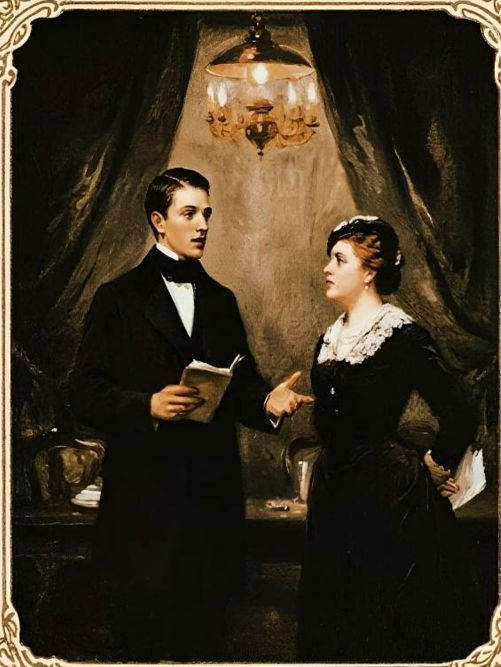
УСТАВ КЛУБНОГО ЖИТИЯ

ИЛИ СКАЗ ПРО ФЁДОРА И АМБАРНУЮ КРЫСУ

ВЛАДИМИР РЫЖОВ

ПОВЕСТЬ

Владимир Рыжов

УСТАВ КЛУБНОГО ЖИТИЯ

https://litres.ru/74734868
SelfPub; 2026

Аннотация

"Не твоими грязными руками писано. Не тебе топить."
(Фёдор Скитский)

УСТАВ КЛУБНОГО ЖИТИЯ

Владимир Рыжов

ПОВЕСТЬ

УСТАВ
КЛУБНОГО
ЖИТИЯ
или
СКАЗ
про Фёдора и
амбарную крысу

Глава 1.

В годы стародавние, при последнем государе-императоре то дело случилось. Стоял тогда в нашей губернии на высоком крутом берегу град Поволжск. И вот вроде бы небольшой уездный городок, да знати видимо-невидимо в том городе было. Жили в нём купцы богатые да пузатые, нравом суровые, веры отеческой. Они-то и порешили: дабы народ крестьянский с купеческим в одно сердце жил, надо, мол, всесословную богадельню открывать. В которую ходу будет каждому. Вот и скинулись они все дружно деньгами, и на

деньги те возвели дворец, доселе невиданный.

А надзирать за сей богадельней поставили — как крестьяне говорили — крысу амбарную Соломаху. На людях-то Соломонида Михайловна Хамина её величать, роду никакого она не имела, однако шептались, что, мол, была она полюбовницей одного очень знатного поволжского человека. Каждому божьему человеку города сего известно, как Соломаха живёт: рубль казённый в карман кладёт да на персидские шали меняет, а дочушку сердешную свою Златку лентами атласными да шелками балует. Платья портной им шьёт, ходят — сияют, право, барыни.

С ними-то прижилась ещё одна дама, Варварой Васильевной звали. Была она регентом любительского хора в том клубе, ростиком с воробья, голос писклявый, ровно комариный, а душа всё та же — тёмная. У Соломониды она на побегушках бегала, сплетни плела да чужому горю радовалась.

Жили они не тужили, добра в клубе им немало вверено было, да вот только с главной задачей они-то очевидно не справлялись. Члены того клуба были из местной знати, простого посадского врача или учителя больно в тот клуб не принимали, оттого что поиметь с него нечего.

Тут как-то собрали купцы совет и велели Соломаниде лекторов по наукам разным искать.

— Надобно нам, господа, народ грамоте учить! — сказал один из купцов. А Соломонида ему отвечает:

— Так у нас и ныне наукам обучаются, и лекторы на то

имеются. — И тут же бросает взгляд на своих прихвостней. Отвечает ей тот же купец:

— Лекторы-то есть, да только науки-то они знают извините как свинья — грамоту. Зал захохотал, пристыдил купец Соломониду и продолжил:

— Один про звёзды читает, а сам небо только ночью сквозь пьяную слезу и видел. Другой историю сказывает, и думает, что Рюрик — это златой заграничный рубль. Стыдоба, господа, стыдоба! Закончил купец.

Соломонида осунулась, стыдно стало. Но заверила уважаемых людей, что найдёт достойного лектора. И вот месяц-другой прошёл, а во всесословном клубе всё так же гуторят про Николая Гогиля да Микаила Лерьментьева.

Глава 2.

В рыбных починках, недалече от Волги-реки, жила-поживала семья обнищавших помещиков Скитских. Жили они в крохотной избе всем большим семейством: бабка с дедкой, отец с матерью да четверо парнишек.

Одного-то из тех парнишек Фёдором кликали. Здоровьем-то не больно крепок родился, но сызмальства умный мальчонка выдался — до того смышлёный, что этого самого Федюшку матушка писать да читать раньше положенного срока научила. Голова и вправду золотая у него была: что ему ни скажут, какую бывальщину ни расскажут про леших али водяных — всё точь-в-точь повторит, ещё и складнее вый-

дет. Памятью его Господь даровал крепкой да цепкой.

Однако ж в хозяйстве и на торжище Фёдор вовсе не работник был. Старшие братья покладистые, младшие расторопные, а он возьмёт в руки косу — черенок хрясь! — пополам; сеть закинет — сам же в ней запутается, ровно щука в мотне. Отец гневался, да розгой стращал:

— Ах ты, аспид криворукий! Всё моё хозяйство и без того горькое изувечишь!

А мать за сына грудью встала:

— Не тронь его! Богом он избран для дел иных. Ему не землю пахать, а слово держать. Сказала так мать, после стала сыну голову гладить да молитву нашёптывать:

— Выхожу я из дверей в двери, из сеней в сени, во чисто поле, во широкое раздолье, добрых дел делать. От притки-полупритки отговаривать, от чернеца, от беленца, от девки-косматки, от бабы-простоволоски защити, Господи, моё дитя. Никола-угодник-батюшка, спаси, сохрани и помилуй раба Божьего Фёдора. Аминь. Аминь. Аминь.

Из раза в раз те скандалы не унимались, и вот порешило семейство через старых знакомых купцов в губернскую мужскую гимназию его пристроить. Пусть, мол, там наукам обучается, мало ли чего путного из него и выйдет. В гимназии Фёдор учился не то чтобы шибко хорошо, но и не совсем уж плохо. Арифметику еле тянул, зато стихи стал складывать, и больно ему полюбились уроки словесности. Оттого-то по окончании гимназии подался он прямиком в учительский

университет. Учился там Фёдор усердно да прилежно. Однако ж по выпуску так и не нашлось для него места в большом городе, и пришлось ему вертаться в родные края к дедке с бабкой, к отцу с матерью да к братьям в рыбные починки.

По приезде домой все обрадовались Феде. Стол накрыли, ухи наварили. Да радость скоро иссохла. Ведь чем теперь заниматься он и представления не имел. Стал было отцу сети латать помогать — так все пальцы иглой до кости исколол. Всякое пробовал, да всё ни то, ни сё.

Тут как-то отправились они с отцом на ярмарку в город Поволжск. Давненько в Поволжске не бывали, надобно проверить, как там люд поживает.

- Раньше-то частым гостем бывал я в тех краях, - говорил отец.

Вот приехали они в город, всю рыбу сторговали, стали было домой собираться, да узрел отец Федин старого знакомого поволжского купца Афанасия Никитича:

— Здорово живём, гости дорогие, — говорит купец.

— И вам не хворать, Афанасий Никитич, — ответил отец Феди.

— Что у вас в городе нового деется? — спросил отец.

— У нас всё ново, — сказал купец.

— Открыли в городе всесословный клуб, каждый может членом того клуба стать при малом взносе. Ищем туда лектора.

А отец-от Федькин возьми да и скажи:

— Так пусть вон Федьку моего возьмут, он у нас грамотей!

— А что, парень оканчивал? — спрашивает знакомый.

Федя отвечает:

— Казанский учительский университет.

— Стало быть, и в литературных делах смыслишь? — прищурился купец.

— Точно так, — ответил Фёдор.

Заулыбался купец, бороду огладил, постоял, подумал. И говорит отцу:

— Вот что, оставляй-ка ты мне его, выведу в люди.

Отец посмотрел на него, улыбнулся в седые усы и говорит сыну:

— Ну что скажешь, сынок, пойдёшь с барином аль со мной домой? Федя и раздумывать не стал, поклонился отцу в пояс земным поклоном. Обнялись они напоследок крепко-накрепко.

После взял его старый отцовский дружок под руку и утянул во всесословный клуб – навстречу новой доле.

Глава 3.

Идёт Фёдор с купцом Афанасием Никитичем по бывалым, мостовым улицам города Поволжска, а вдалеке золотом на закатном солнце сияет тот самый дворец — всесословный клуб. А купец ему всё приговаривает:

— Эх, парень, денег купеческих в сии хоромы неведомо сколько вбухано. Три парохода купить можно, да ещё и бар-

жу с зерном сверху нагрузить. А толку-то? Лекторы тамошние двух слов связать не могут. Бывал я как-то на одной такой встрече, так там один шут гороховый рассказывал, что Шекспир — это сорт сыра заморского. Всё наше купечество хохотало до слёз, аплодировало стоя.

Оба рассмеялись Фёдор с купцом, вытирая выступившие от смеха слёзы платками.

После купец продолжил, бороду оглаживая: — Надобно им человека свежего, чтоб так лекции читал, чтоб дух захватывало, ровно ветром полуденным. Я за тебя Соломониду Михайловну попрошу. Она хоть дама капризная, но коль ей рублём серебряным перед носом махнуть, она любого пропустит.

Так вот Фёдор и попал в стены всесословного клуба. Ровно как по старому материному наговору сбылось: из дверей в двери, из сеней в сени, во чисто поле, во широкое раздолье, добрых дел делать.

В первый же вечер вышел он к народу посадскому да местной знати. Стоит перед ними вчерашний гимназист, рубаха простая, волосы горшком стрижены, сапоги в пыли дорожной, а заговорил — будто серебряные струны тронул. Начал про «Слово о полку Игореве», потом плавно перешёл к Пушкину, затем зацепился за горькую судьбу Лермонтова. Знать сидит, рты поразевав, портвейн недопитый позабыли, вилки на скатерть уронили. Даже Соломахина девчушка на побегушках, Варвара Васильевна, со своего стула привстала,

писклявый комариный свой голос затаила, дыхание придержала.

С той-то поры стал Фёдор Скитский в том всесословном клубе главным лектором. Была среди гостей одна слушательница, чей тихий взор ранил лектора острее любой критики – Матрёна Фёдоровна Жукова, младшая дочь действительного члена вольного пожарного общества. Сидела она скромно в третьем ряду, платочек кружевной в руках теребя. Глядела на Фёдора не как на оратора, а чуть вскользь, словно боясь спугнуть саму мысль певчую.

После лекции, когда все голодные бедняки и богачи ринулись к буфету расстегаи хватать, Матрёна Фёдоровна подошла к лектору и произнесла тихим голосом:

— Ваши слова… Фёдор Алексеевич, ложатся на душу ровно, аки скошенная трава под косой... Потому что вы читаете не для того, чтоб пыль в глаза пустить, как прочие. Вы правду-матушку ищете.

В тот самый миг между ними промелькнула та самая искра, которой многие боятся, дабы не обжечься дотла.

Немало времени после проводили они вместе и наедине, и вскоре сыграли свадьбу прям в том же самом всесословном клубе, под хрустальными люстрами.

Любил Фёдор свою жену без памяти, на жалованье, что с лекций получал, сняли квартиру — тот самый старый знакомый отца, купец Афанасий Никитич, поручителем выступил.

Днём Фёдор лекции вёл, а вечерами стихи ей свои читал, мыслями сокровеннымиделился: она оказалась для него и музой, и самым близким человеком по жизни.

Всё хорошо, да недолго те лекции Фёдору пришлось вести. Не давал Фёдор покоя надзирательнице своей Соломахе. Смотрела она на успех молодого лектора чёрным глазом. Не того она во главе просвещения видела. Да и деньги членские теперь шли на закупку новых учительских книг, а не ей в карман. Тут и придумали Соломаха с Варварой Васильевной как Фёдора сжить, дабы старостой всесословного клуба не приказали его назначить. Поставили его главным избачом, мол, на повышение решили отправить. А по-нашему — с глаз людских долой схоронить.

Фёдору и та работа была по нраву. Стал он работать усердно, света белого не видя. Скупал он на свои скудные деньги книги дивные по всему уезду, каждую тряпочкой протирает да бережно хранит. Собрал он такую библиотеку, какой во всей губернии не сыщешь.

Матушка-Волга мимо течёт, годы идут, а Фёдор всё меж полок ходит, книжной пылью дышит.

Глава 4.

Помимо высокой словесности и стихов была у Фёдора ещё одна великая страсть, зародившаяся сызмальства там, в рыбных починках — собирательство. Собирал он бывальщины разные: то легенды стариковские, то сказания. Записывал он

по памяти истории, что ему родные люди да земляки на завалинке сказывали, в собственную книгу.

День за днём рукопись его пухла. Матрёна-то, как и полагается верной супружнице, стала ему первой читательницей, и редактором строгим, и советником мудрым. Рукопись же, как закончили, Фёдор в той самой читальне хранил у себя в столе под замком.

Но вот беда приключилась – пронюхала крыса амбарная Соломаха про тайную книгу Фёдора. Про золото народное, про предания исконные. Это ж какая слава земная мимо неё пройдёт! И порешила она изъять у Фёдора ту рукопись, во что бы то ни стало. Однако как изъять-то, призадумалась она. Был у ней один знакомец давний, Тарас Филиппыч, человечишка мерзкий. Ровно бес вьюном вокруг чужого несчастья вился. Будто от горя чужого силой питался. И вот ему-то и наказала Соломаха выкрасть рукопись. А взамен посулила: «Тебя избачом главным заместо Скитского и поставлю». Тот и согласился.

Вот ночью-то глухою, пока Фёдор жене своей ненаглядной стихи свои читал, прокрался Тарас Филиппыч к столу его рабочему, взломал замок ржавым гвоздём да унёс рукопись ту и к утру Соломахе принёс. Тут и Фёдор в читальню спешит, а они его оба и встречают, улыбочки кривые прячут.

И говорит ему Соломонида Михайловна:

— Вот, Фёдор, это новый главный избач наш, Тарас Филиппыч!

— Неужто я и сам не справляюсь? — спросил Фёдор, лоб нахмурив.

— Справляешься, не справляешься, да не тебе то решать! Иль ты моей воле возражать вздумал?

— Я-то думаю, об этом назначении вам следовало бы купца Афанасия Никитича известить! — сказал Фёдор.

— Ах ты,шельмец языкастый, думаешь, заступники твои тебя хватятся? Значит так! Скажешь купцу своему, что сам так решил, по доброй воле. Али писанина твоя нынче же сгорит в печи дотла! Ну что жогчи, али как? — сказала Соломонида, из-за спины руку вытащила да рукопись Фёдора ему под нос суёт. Фёдор как увидел труды свои в руках у крысы амбарной, сразу и дар речи потерял, ноги ватными стали. Куда деваться? Смирился со своей долей горькой, дабы труды, что годами создавал, не сожгла Соломаха. Как указала она ему, так и брякнул купцу, знакомцу отца своего, что с делом лекторским не сладилось. Оттого и покинул клуб всесословный, а Соломахадовольная осталась. Нет теперь у них никаких преград карман набивать. Тарас Филиппыч что скажут, то и делает. Вернее сказать, как может, делает, всё вкривь да вкось. Вопреки желаниям людей честных.

Вот как выставили вон Фёдора из всесословного клуба, стал Тарас Филиппыч книги выдавать. Придёт человек за Чеховым — он ему Пушкина суёт. Придут за молитвенником — он им календарь огородный. Так и работал спустя рукава, покуда знатный люд от народа простого не услы-

шал, что в читальне творится неладное. Однако Соломахе ту весть перехватить удалось, почуяла крыса амбарная настоящую угрозу нутром своим гнилым. До неё дошли слухи, что купец Афанасий Никитич собирается звать губернского инспектора с ревизией полной во всесословный клуб. И прежде чем ревизию встретить да ответ держать, послали они Варвару Васильевну за Фёдором.

И после того-то, как поняла Соломонида, что давний друг ей эдаким-то макаром таких дел натворить может, что и саму на дыбу поставят, назначила она Фёдора помощником при Тарасе Филиппыче.

— Вот что, Фёдор Алексеевич, чувствую я сердцем своим, как раскаиваешься ты за дела свои прошлые! Потому великую милость тебе дарую: будешь в помощниках ходить у Тараса Филиппыча, — говорит Соломонида. Фёдор-то сразу смекнул, что крыса амбарная в том выгоду свою змеиную видит, но отказывать не стал, напротив, воспринял с радостью тихой, ведь как ни крути, а рукопись-тородимая в том клубе, в закромах у Соломахи пылилась.

Как только Фёдор помощником Тараса Филиппыча стал, в ближайшую неделю ревизор прибыл, бумаги посмотрел, да ничего зловредногои дурного сквозь пальцы не приметил. Долго ли, коротко ли он работал помощником у этого пустозвона, да, однако, возможности вернуть свою рукопись как не было, так и не появлялось. Как и надежды обратно вернуться в должность высокую — хоть главным избачом, хоть

лектором. Сидел Фёдор тише воды ниже травы, поглядывал на сундуки хозяйские да ждал часа своего звёздного.

Глава 5.

Немало уж сказано про Соломониду-то Михайловну Хамину, которую простой люд за глаза кликал не иначе как амбарной крысой Соломахой! Однако не от роду она такой шельмой была, нет.

В девках слыла первой красой по всему Поволжью. Когда-то статная — коса у ей в руку толщиной до самых пят вилась, а очи — чистые были, светлые, ровно озёра лесные. Да только красота та безродная оказалась. Ни вотчины за душой, ни приданого порядочного — одни чужие спальни ей дорожку в люди торили. Шептались старики на завалинках: бают, настоящим отцом Златки был самый богатый человек во всей губернии. Откупился он от греха смертного, сунул беспутную полюбовницу надзирать над всесословным клубом. Вот и стал для неё тот клуб тёмным амбаром пыльным, где отъелась она на казённых харчах так, что щёки на плечах лежать стали. И нажива её с году на год неприглядно росла.

Жила Соломаха припеваючи, горя мыкала мало. Пальцы у ней еле гнулись от перстней самоцветных, которые она втихую на присвоенные членские взносы скупала. Из года в год её, ровно пугало огородное, то в Петербург пошлют опытом делиться, то по другим городам губернским возят напоказ. И дочурку свою везде за собой, как репей худой, таска-

ла, по всей Расее-матушке шарахалась. А клуб их-от всё это время стоял пустой да сиротский, годами там ничего не менялось, нового не приобреталось, лишь паутина по углам седая висела.

Придёт Соломаха утречком во дворец свой— ровно на ярмарку заявилась. Первым делом серебряные ложки пересчитает, замки пудовые на сундуках с пожертвованиями дёргдёрг проверит, и уж потом, рот раззявив лениво, обойдёт читательский зал. Культура эта да наука вызывали в ней раздражение. Как купцы грамотность заведут хвалить, так Соломаха вся скривится, ровно уксусу хлебнула:

— От книжек энтних одна дурь в голове заводится, — бурчит себе под нос.

Тайная рукопись Фёдора Скитского поперёк горла ей встала. «Будет ещё эту „дурь народную“ моим людям показывать!» — взъярилась ведьма. Раз любопытство её змеиное одолело, решила сама поглядеть, чего Фёдор там накалякал. Открыла первую страницу — лицо у барыни перекосило. С первых строк Фёдор легенду старого рыбака Макара Ерохина расписывал, о том, как река жадного купца под воду утянула. Для Соломахи это было ничтожество пустое. Швыркнула она рукопись обратно в стол, даже до середки первой легенды не дойдя. Золото народного слова оказалось для её слепой души просто ересью бесовской.

Но пуще самой амбарной крысы расцвела в тех стенах дочь её – Златка. Если Соломаха серой мышью трусливой

была, которая барыню из себя корчила, то Златка выросла чистой сорокой-ворокойкрикливой. Губы вечно пузырем надуты, глазищи пустые, стеклянные. Сама по себе лень перекатная отроду палец о палец не ударила, а Соломаха её всё равно в шали персидские рядит, платья у лучших поволжских мастеров шьёт. А той всё мало! С простыми девками знаться не желала, нос воротила. Всё кричала мол: «От этнихкосматых девок только сглазы наживёшь». В общем, как в народе говорят, «без царя в голове» девка была, личиком тоже бог обидел, однако прихвостниСоломахины, чтобы хозяйке услужить, звали Златку первой красавицей Поволжья. Поговаривали, будто власти никакой мать над дочерью не имела: всё, что Златка ни скажет, всё матушка сиюминутно исполняет.

А тут беда пришла, откуда не ждали. Вот как выжила Соломаха Фёдора с должности лектора, и велела ему в помощниках у Тараса Филипыча ходить.

Лекции ихи-то слушать никто не желал, скучно народу сделалось, мухи от тоски дохли. Стали мужики да бабы из клуба того потихоньку уходить, ногами дверьми хлопать,и взносы платить отказываться. Казённого рубля в лапах у Соломахи заметно меньше стало. Правда, она-то думала поиному: мол, перетерпим, умника выживем — снова народишко набежит.

А дочурка-Златка ей последнюю жилу тянула. Ходит-бродит павлинится по дому, шелками шуршит, перед матерью

выхаживает:

— Вон у барыни Софоновой жених какой сокол ясный — сынок видный! Приданого десять сундуков золотом сулит. А мы с тобой сидим, копейки шёлковые перебираем. Купи мне брошь аглицкую, чтоб камень-изумруд огнём зелёным горел!

Тут Соломаха над ней ровно гадюка зашипела:

— Молчи, дитятко неразумное! Молчи, эдакая! Брошь тебе подавай? Где ж я денег возьму, коли этот грамотей все наши членские взносы на пыль бумажную спустил? Замолчала ведьма, дух перевела тяжкий, чуть смягчилась, и масленым голосом заворковала:

— Потерпи, доченька, потерпи чуток. Вот сведу я счёты с этим умником проклятым, и повалят снова дурачки к нашим лекторам. Вот тогда-то ты у меня в соболях ходить начнёшь! В карете золочёной ездить будем, куда душенька твоя пожелает. А всякое мужичье нам в пояс станет кланяться, шапки ломать да дорогу уступать будут.

Глава 6.

Пока в амбаре пылится украденная рукопись Фёдора, а две крысы жадные делят несуществующее золото казённое, паутиной интриг управляет третья фигура. Варвара Васильевна — та самая регентша любительского хора с комариным голосом писклявым. Каждая трещина в половице рассохшейся и каждый скелет в шкафу местной знати ей доподлинно известен был. Оттого за глаза её и кликали министром

слухов да сплетен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.